

У исторической карты народов мира

ИЖОРА

Ижора — это небольшая народность, проживающая в Ленинградской области, на южном берегу Финского залива. Она говорит на одном из языков финно-угорской языковой семьи, который относится к ее прибалтийско-финской группе. Территория, на которой жили ранее ижора и родственная ей водь, исторически известна под названием Ингрия (Ингерманландия), или Ижорская земля. В разные времена в это название вкладывалось различное содержание, мы же имеем в виду территорию между юго-западным побережьем Ладожского озера и рекой Нарвой. В историческом и этническом отношении эта земля заметно отличается от тех соседних территорий, которые уже в течение многих столетий заселены почти исключительно русскими. Этноним «ижора» идентичен названию соответствующего притока Невы. Финское наименование той же реки — Инкери, а окрестные районы назывались Инкеримаа (в прибалтийско-финских языках «маа» — земля). Отсюда и произошли названия Ингрия, Ингерманландия.

Археологические свидетельства о древней Ингрии немногочисленны. По периоду, предшествовавшему нашей эре, настолько мало материала, что трудно сделать вывод даже о непрерывности заселения края, хотя можно считать, что Ингрия в то время была заселена предшественниками современных прибалтийско-финских народов¹. В VI—IX вв. к востоку от Чудского озера появляются славянские могильники. Эти могильники встречаются вплоть до верховьев рек Луги и Плюсы, но севернее еще отсутствуют. В X—XI вв. характерные для славян курганы появились и в Ингрии. Правда, как это показал В. В. Седов, не все они принадлежали славянам². Западная часть Ин-

германландии была в основном заселена водью, впервые упомянутой в русской летописи под 1069 годом. Связи между славянами и водью уже тогда были столь тесными, что последняя переняла у первых способ захоронения, хотя по инвентарю могильников можно отличить славянские курганы от водских. В восточной части Ингерманландии, главным образом между Гатчиной и р. Волхов и на Карельском перешейке, вместо курганов встречаются подземные захоронения, вероятно, от 1000—1100 гг., представляющие собой как раз ижорские памятники. Эти памятники имеют также соответствия на северо-западном побережье Ладожского озера, где в то время уже жили карелы³. Заметим, что некоторые ижорцы еще помнят самоназвание «карьялайнен», то есть карел.

Ни археологические, ни письменные источники сами по себе не в состоянии дать точный ответ на вопрос о происхождении ижоры. Следует принять во внимание лингвистические данные, но специалисты по прибалтийско-финским языкам здесь не единодушны. Одни подчеркивают близость ижорского и карельского языков, другие считают ижорский диалектом финского. Дело в том, что после Ореховского мирного договора 1323 г. западные карелы попали под власть Швеции и постепенно начали сливаться с финнами, а потом они же переселились в Ингерманландию и оказали влияние на ижорский язык. Зато в ижорском совсем нет черт, характерных для западнофинских диалектов. А так как у ижорцев уже давно нет общей территории ни с карелами, ни с финнами, их следует считать самостоятельной этнической группой. Эта точка зрения находит ныне все большее признание. Языковое влияние племени водь, давнего соседа ижоры, проявляется в основном только в самом западном ижорском диалекте — нижнеудском, но во всех водских говорах можно подметить позднее влияние ижорского языка⁴. На основе этих

¹ Х. А. Моора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. В кн.: «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин. 1956, стр. 49—141.

² В. В. Седов. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). «Советская археология» № XVIII, 1963, стр. 190—229; Х. А. и А. Х. Моора. Из этнической истории воды и ижоры. В кн.: «Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost». Tallinn. 1965, lhk. 63—90.

³ А. М. Tallgren. Inkerimaan muinais-asutuksesta. «2 Suomalainen Tiedeakatemia. Esitelmät ja pöytäkirjat 1937». Helsinki. 1939, siv. 37—60.

⁴ А. Лаанест. Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование. Таллин. 1966.

фактов можно предположить, что предки носителей остальных диалектов ижорского языка попали в западную часть Ингерманландии относительно поздно.

В исторических документах ижорцы фигурируют с XII века. В нескольких римских буллах конца XII — начала XIII в. упоминаются «нечистые» из Карелии и Ингерманландии, на которых католическая церковь стремилась распространить свое влияние. В XIII в. Ингерманландия подчинялась Новгороду и вместе с ним вела борьбу против агрессии шведских и немецких феодалов. Генрих Латышский повествует о походе немецких крестоносцев в Ингерманландию в 1220 году. Когда Александр Невский в 1240 г. сражался со шведами, береговую стражу у него возглавлял ижорец Пелгуй, который был ревностным христианином (в отличие от большинства своих соплеменников — идолопоклонников). В 1241 г. ижорцы участвовали в походе Александра для отвоевания у немцев Копорья и Пскова. В 1292 г. шведы совершили вылазку во владения Новгорода, но были разбиты ижорцами и карелами. В 1349 г. шведский король Магнус обратил часть ижорцев в христианскую веру, применив насилие к тем, кто сопротивлялся⁵.

К 1500 г., когда бывшие новгородские земли уже стали частью Московского государства, относится первая известная нам писцовая книга о Водской пятине, в которую входила почти вся Ингерманландия. Оттуда мы узнаем об административном делении рассматриваемой территории, количестве сел, их наименованиях, состоянии хозяйства. Многие сохранившиеся до наших дней ижорские села существовали еще в XV веке. Отметим, что в писцовых книгах встречается мало нерусских личных имен. Все тамошнее население, независимо от этнического происхождения, носило новые, христианские имена, а параллельно с ними употреблялись старые, ижорские и водские. Поэтому и нельзя считать достаточно удачной попытку С. С. Гадзяцкого определить количественное соотношение этнических групп в Водской пятине лишь на основе имен, встречающихся в писцовых книгах⁶.

⁵ См. П. Кёппен. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб. 1861; С. С. Гадзяцкий. Вотская и Ижорская земли Новгородского государства. «Исторические записки», вып. 6, 1940, стр. 100—148.

⁶ С. С. Гадзяцкий. Ижорская земля в начале XVII века. «Исторические записки», вып. 21, 1947, стр. 3—7.

По Столбовскому миру 1617 г. Ингерманландия отошла к Швеции. Это повлекло за собой рост феодального гнета, налогов и притеснений по религиозным мотивам. Шведские власти стремились обратить местное население в лютеранство. Многие православные, в том числе ижорцы, бежали в Россию. Особенно массовый характер приняло бегство после войны 1656—1658 годов⁷. Очевидно, к этому времени относится заселение ижорцами побережья р. Оредеж и верховьев р. Луги, то есть территории, которая со стороны России непосредственно примыкала к установленной Столбовским миром границе.

На земли, опустошенные в результате войн и бегства, шведские власти призвали поселенцев из Финляндии. Последние переселялись сюда в основном из районов Саво и Эйрпяя, и их стали называть соответственно савакот и эйремэйсет. Хотя эти этнические группы поселились по соседству друг с другом и с ижорой, а частично даже вперемежку в одних и тех же селах, каждая из них сохраняла вплоть до последнего времени некоторое своеобразие как в языке, так и в материальной культуре⁸, причем в отличие от ижорцев и води пришельцы были лютеранами. А когда в результате Северной войны Ингерманландия вновь отошла к России, это на долгие годы обеспечило ей мир. Большое значение имело основание здесь Петербурга, которое благоприятствовало экономическому развитию расположенных близ российской столицы земель, а также привело к массовому притоку русского населения и укреплению связей между ижорцами и русскими.

Точные данные о численности нерусского населения Ингерманландии в середине XIX в. собрал П. Кёппен для этнографической карты. В 1848 г. в Санкт-Петербургской губернии проживало 17 800 ижорцев, води — 5 148 чел., финнов — 42 979 савакот и 29 344 эйремэйсет⁹. Обращает

⁷ С. С. Гадзяцкий. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества. «Исторические записки», вып. 16, 1945, стр. 18 сл.

⁸ A. J. Sjögren. Ueber die finnische Bevölkerung des St. Petersburgischen Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingermanland. St. Petersburg. 1833; З. М. Дубровина. Из истории финского населения Ленинградской области. «Вестник» Ленинградского университета, 1962, № 20, стр. 111—120; S. Haltsone n. Entistä Inkeriä. Helsinki. 1965, siv. 90—1000.

⁹ P. Köppen. Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburgischen Gouvernements. St. Petersburg. 1867. S. 32 etc.

на себя внимание тот факт, что на берегах Невы ижорцев было мало, хотя эта земля представляла собой некогда основной их район. Напротив, пришельцев из Финляндии именно здесь оказалось довольно много. Следующая перепись населения, в которой отмечены ижорцы, проводилась в 1926 г., и она показала, что ижорцев осталось 16 000. Это означает, что прирост населения вплоть до начала XX в. примерно уравнивал результаты естественного процесса ассимиляции. Быстрее ассимилировались восточные ижорцы, так как вследствие близости столицы там быстрее развивались буржуазные производственные отношения, а многие крестьяне-ижорцы овладевали русским языком и культурой еще до социалистической революции, когда ходили на временную работу в Петербург¹⁰.

Материальная культура ижорцев издавна испытывает сильное русское влияние. Своеобразные ее черты сохранялись более долго лишь в формах женской одежды. В XVIII в. И. Г. Георги описал ижорский женский национальный костюм¹¹. Более подробные данные привел Ф. Туманский, чья рукопись, посвященная народам Петербургской губернии, недавно была частично опубликована¹². Он дает точное описание ижорского женского головного убора — саппаано и нижней рубашки — рэтсинэ, поверх которой надевали два передника — хурстуд и ааннуа. Эти данные в общих чертах совпадают с теми, что наблюдались и в начале XX века¹³. Областью духовной культуры, в которой наиболее ярко проявились творческие силы

ижорского народа, несомненно, является фольклор, особенно народные песни. Еще в середине прошлого столетия стало известно, что ижорцы хранили в памяти много старинных песен. Особую известность в этом отношении приобрел Сойкинский полуостров (на территории современного Кингисеппского района). В течение нескольких десятилетий у ижорцев было записано столько песен, что они, опубликованные Финским литературным обществом в 1915—1931 гг., составили 9 толстых томов. Среди них встречаются, в частности, эпические произведения, имеющие соответствия в финском, карельском и эстонском фольклоре, а также в «Калевале». Богат репертуар свадебных песен. Многие из них исполнялись еще и в 1930-е годы. На Сойкинском полуострове и поныне можно встретить исполнителей местных народных песен. В последнее время сбором и публикацией ижорского фольклора занимались П. Аристэ и А. Лаанест¹⁴. Научный сотрудник Карельского филиала АН СССР Э. Киуру подготовил к печати большое исследование о народном творчестве Ингерманландии на основе материалов, собранных уже в наши дни.

После Октябрьской революции в жизни ижорцев, как и других народов и этнических групп в СССР, произошли огромные перемены. Резко повысился их материальный и культурный уровень¹⁵. Серьезный ущерб родным местам ижорцев нанесли фашистские оккупанты в 1941—1944 годах. Многие ижорские села были полностью разрушены. Полнокровная жизнь возродилась здесь в годы первой послевоенной пятилетки. Издавна влившись в ряды населения Ленинградской области и соседних районов, ижорцы самоотверженным трудом вносят свой вклад в строительство коммунистического общества.

А. Х. Лаанест

¹⁰ Н. В. Шлыгина. Роль хозяйственных занятий в процессе ассимиляции водско-ижорского населения в конце XIX — начале XX века. «Советская этнография», 1965, № 4, стр. 55—65.

¹¹ J. G. Georgi. Russland. Beschreibung aller Nationen des russischen Reiches, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten. Bd. I. Leipzig. 1783, S. 25—27.

¹² E. Öpik. Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. Iopul. Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kuberman-gu kirjelduses. Tallinn. 1970.

¹³ S. P. Nevaan inkeroispuku. «Suomen Museo», № XIX, Helsinki, 1912, siv. 39—43.

¹⁴ P. Ariste. Isuri keelenäiteid. «Труды» Института языка и литературы АН ЭССР. № V. Таллин. 1960, стр. 7—68; А. Лаанест. Isuri murdetekste. Tallinn. 1966.

¹⁵ Литературу см.: И. А. Селицкая. Библиография литературы на ижорском языке. «Советское финно-угроведение». Вып. 1. 1965, стр. 302—305.